

- Господин Чу, секретарь докладывает: на линии представители «Жунцзин», - Цзян Кэянь тихо постучал в дверь и, дождавшись короткого разрешения, вошел в кабинет.

Чу Мянью даже не поднял головы от своих бумаг, продолжая сосредоточенно изучать документы:

- Говори.

Секретарь, следовавший за помощником, тут же выступил вперед и доложил:

- Господин Жун Цзисин сообщил, что ситуация вокруг компании «Яоцзин юйлээ» вышла на открытый рынок и спровоцировала иррациональные колебания котировок. Он выразил надежду, что «Чэньхуа» проявит благоразумие и вовремя остановится, в противном случае пострадают коммерческие интересы обеих сторон.

- Колебания действительно ни к чему, - Чу Мянью поставил размашистую подпись и, не меняя выражения лица, взял следующий документ. - Но это будет возможно лишь при условии, что он сначала сам разберется со своими внутренними проблемами.

Секретарь коротко кивнул, развернулся и вышел из кабинета, чтобы передать ответ.

Вскоре тишину помещения снова нарушил телефонный звонок.

- Секретариат «Жунцзин» ответил: «Внутренние проблемы "Яоцзин юйлээ" мы решим самостоятельно, "Чэньхуа" не стоит утруждаться», - пересказал вернувшийся секретарь. - Они особо подчеркнули, что искренне надеются, будто некоторые излишне эмоциональные руководители «Чэньхуа» смогут наконец взять себя в руки и сохранить базовую коммерческую рациональность. В конце концов, большой бизнес - это не детские игры.

Чу Мянью медленно закончил подписывать последние бумаги, аккуратно выравнивая их на столе.

- Скажи Жун Цзисину: вместо того чтобы беспокоиться о душевном состоянии руководителей чужой компании, лучше бы он поинтересовался, почему пиар-отдел и юридический департамент «Жунцзин», в которые ежегодно вкладываются колоссальные средства, оказались неспособны подавить скандал даже в одной-единственной дочерней компании, - Чу Мянью наконец поднял взгляд, и его глаза оставались холодными.

Он продолжил с абсолютно бесстрастным лицом:

- Если «Жунцзин» действительно так остро нуждается в помощи, «Чэньхуа» может предоставить им свои платные консультационные услуги. Кроме того, пусть он уберет свою тягу к контролю над другими и сначала наведет порядок в собственном доме. В моем плотном расписании просто нет свободного времени на исправление чужих ошибок.

Секретарь почтительно ответил: «Слушаюсь», - и аккуратно забрал подписанные документы.

- Рассказывай, - Чу Мян перевел взгляд на Цзян Кэяня.

Ему было искренне интересно, что именно натворил его «эмоциональный» младший брат на этот раз, раз Жун Цзисин счел нужным лично позвонить по этому поводу.

- Молодой господин задействовал офшорный арт-фонд в Цюрихе и начал массированную распродажу активов еще до открытия азиатского рынка. Ему удалось виртуозно обойти внутренний контроль группы, что напрямую вызвало резкие колебания акций «Жунцзин» и привело к падению рыночной капитализации более чем на пятнадцать процентов за крайне короткий срок.

Цзян Кэянь, как и всегда, сохранял привычный спокойный и ровный тон, излагая факты.

- Три ведущих рейтинговых агентства «вовремя» опубликовали предупреждения о возможных рисках, которые рынок мгновенно воспринял как однозначный сигнал к продаже, что и спровоцировало паническое бегство инвесторов.

- ...Одновременно с этим, действуя от имени фонда, он скоординировал действия нескольких крупнейших аукционных домов, расторгнув все будущие контракты с артистами «Яоцзин юйлээ»...

Чу Мян продолжал хранить ледяное спокойствие, не выказывая ни тени удивления.

Цзян Кэянь подытожил:

- В ходе этой операции молодой господин полностью обошел все процедурные препятствия внутри «Чэньхуа». К тому моменту, как рынок осознал истинную суть происходящего, ситуация уже стала такой, какую мы наблюдаем сейчас.

Тот факт, что Жун Цзисин был вынужден лично выйти на связь, неоспоримо доказывал, насколько серьезными и болезненными оказались последствия действий Чу Юня.

- Мозги у него есть, - сухо оценил Чу Мянью. - Только их слишком мало, и применил он их совершенно не по назначению.

Цзян Кэянь мягко ответил:

- У молодого господина большой талант, он просто не любит лишних хлопот.

Чу Мянью парировал:

- Можешь выразиться прямее: он ленив и совершенно не стремится к развитию.

Какая реальная польза от этих глупых выходок, кроме банального выплеска эмоций? Разрушить «Яоцзин юйлэ»? Это всего лишь один из многих активов в огромном финансовом отчете «Жунцзин», который можно в любой момент отсечь или даже использовать как удобный повод для внутренней реорганизации.

Цзян Кэянь предпочел промолчать.

- Иди и разберись с этим, - распорядился Чу Мянью. - Ответь «Жунцзин», что данное дело не имеет никакого отношения к «Чэньхуа», это их частный конфликт с «Редженс Медиа». Чтобы решить проблему, пусть связываются с тем, кто её создал, и всерьез задумываются о причинах её возникновения. Я не школьный учитель, чтобы разнимать дерущихся детей.

Цзян Кэянь мгновенно понял его намек:

- Я всё сделаю.

Чу Мянью добавил максимально сухо:

- Что касается «Редженс Медиа», Хуан знает, как поступить в данной ситуации, гораздо лучше меня. Через пару дней об этом инциденте уже никто не вспомнит.

Цзян Кэянь снова ответил: «Слушаюсь», - и вышел из кабинета.

Тем временем в офисе Чу Юня снова раздался стук в дверь.

На этот раз Чу Юнь был в крайне скверном расположении духа.

Ли Чжися держал телефон обеими руками, с таким благоговением, словно это был священный императорский указ:

- Это господин Чу.

Это означало лишь одно: детские игры наконец-то дошли до ушей главы семьи.

Чу Юнь неохотно взял трубку и с явным недовольством в голосе буркнул:

- Алло.

- Прекращай.

Он так и знал, что всё закончится именно так.

Челюсть Чу Юня мгновенно напряглась, а в голосе зазвучал открытый вызов:

- Прекратить? Я еще даже не наигрался.

- Я не спрашиваю твоего мнения.

- С какой стати?!

- Без причин.

Эта лаконичная фраза означала ровно то же самое, что и любимое выражение самого Чу Юня: «Я и есть причина».

Атмосфера в комнате словно застыла, в одно мгновение стало казаться, что даже телефон в руке покрылся тонким слоем льда, а голос на том конце провода окончательно заledenел. Никто не произносил ни слова, в воздухе повисло тяжелое, давящее молчание.

Лицо Чу Юня потемнело, костяшки пальцев, сжимавших корпус телефона, побелели от напряжения. Он молчал, упрямо и плотно сжав губы в тонкую линию.

- Проблему, которая тебя так волнует, я решу сам, - Чу Мянью первым нарушил тишину. - Не заставляй меня повторять это дважды.

Сразу после этих слов связь оборвалась.

Телефон с силой полетел в сторону, с глухим стуком ударившись о мебель.

Все невысказанные эмоции застряли в горле, и настроение, которое только начало немного улучшаться, снова рухнуло в бездну.

Чу Юнь тяжело и часто дышал, с трудом сдерживая закипающий гнев, и лишь спустя долгое время смог окончательно успокоиться.

Он процедил сквозь зубы:

- Сделайте всё точно так, как он сказал.

Ли Чжися, словно получив долгожданное помилование, поспешно удалился из кабинета.

Положив трубку, Чу Мянью легко мог представить, как его младший брат сейчас бесится в своем офисе.

Вспомнив, что этот невоспитанный мальчишка даже не удосужился назвать его «старшим братом», Чу Мянью недовольно нахмурился, размышляя о том, как он мог допустить такую оплошность и почему до сих пор не проучил его как следует.

- Господин Чу.

Цзян Кэянь вернулся в кабинет.

- Звонила госпожа Чу Ваньчжэнь.

Он добавил с легким оттенком серьезности:

- Она была крайне взволнована и заявила, что представляет интересы части членов семейного траста для проведения допроса.

Выражение лица Чу Мянэ мгновенно стало холодным:

- Соединяй.

На другом конце провода голос Чу Ваньчжэнь полностью утратил прежнюю элегантность, став резким, пронзительным и откровенно недовольным:

- А-Мянэ, до каких пор ты будешь так слепо потакать Чу Юню?! Использовать офшорные инструменты для манипуляции рынком – это же просто абсолютный беспредел! Ты вообще собираешься его остановить или нет?!

Чу Мянэ медленно откинулся на спинку своего кожаного кресла и ответил максимально спокойным, почти безразличным тоном:

- У А-Юня есть свои веские причины так поступать.

- У него?! Какие еще у него могут быть причины?! Он просто пользуется твоим бесконечным попустительством и привык творить всё, что ему вздумается! Превратил рынок в какое-то казино, а репутацию семьи Чу – в общее посмешище! – Чу Ваньчжэнь буквально задохнулась от его невозмутимости, а затем пришла в еще большую ярость. – Я уже стара и больше не лезу в ваши братские разборки, но я точно знаю, что акционеры крайне обеспокоены. Рынок так лихорадит, что кто в итоге будет отвечать за все эти убытки?

Чу Мянэ, не удостоив её ответом, просто бросил телефон на стол, принял от секретаря новый документ и снова взял в руку ручку.

- Вопросами убытков «Чэньхуа» всегда занимаюсь исключительно я. Чу Юнь всего лишь потратил небольшую сумму своих карманных денег, так что тетушке совершенно не стоит так сильно волноваться.

- Ты... - на другом конце провода внезапно воцарилась тяжелая, гнетущая тишина.

Чу Ваньчжэнь буквально задрожала от сдерживаемого гнева:

- Ты сейчас глава семьи, неужели ты и вправду собираешься просто сидеть сложа руки?! Он окончательно привык к своему вседозволенному своеволию, а как же лицо нашей семьи Чу?!

Движение ручки в пальцах Чу Мянэ замерло. Он нахмурился еще сильнее, аккуратно обвел одну из строк в документе и поднял холодный взгляд на вошедшего в кабинет сотрудника - от одного этого взгляда человека мгновенно бросило в дрожь.

- То, что делает Чу Юнь, - это исключительно моё дело. В «Чэньхуа» существует лишь один решающий голос, и этот голос принадлежит мне. Тетушке будет лучше сохранять спокойствие и беспокоиться только о размере своих дивидендов.

На другом конце линии послышалось тяжелое, прерывистое дыхание - Чу Ваньчжэнь была вне себя от ярости.

Не дожидаясь её ответа, Чу Мянэ хладнокровно положил трубку.

Тратить драгоценное время на пустые, бессмысленные разговоры он не собирался.

У Чу Мянэ не было ни единой лишней секунды, чтобы растрчивать её на подобные вещи.

Ши Цзянь неподвижно сидел у окна, пребывая в странном состоянии, когда не чувствовал ни явной тревоги, ни истинного спокойствия.

Если бы сейчас рядом был Чу Юнь, возможно, дышалось бы легче, но тот был слишком занят своими делами, чтобы обращать на него внимание.

Сун Ичжоу пыталась связаться с ним через общую линию резиденции, но связь обрывалась,

даже не успев установиться.

Разумеется, за этим стоял хозяин дома.

Ши Цзянь не ждал, что кто-то будет любезно держать его в курсе происходящего. На самом деле, последние несколько дней он втайне ждал, когда полиция снова вызовет его на допрос.

В самом начале расследования полицейские действительно приходили, задав несколько серьезных и неудобных вопросов.

Но и это было стремительно пресечено Чу Юнем.

Он приехал внезапно, в сопровождении целой армии адвокатов – их оказалось больше двадцати человек, и от этого зрелища Ши Цзянь невольно вздрогнул.

О чем именно они говорили дальше, он не знал, но последнее, что сказали ему полицейские, было: «Пока все вопросы исчерпаны. Если возникнет необходимость, мы свяжемся с вами».

- Конечно, - ответил тогда Ши Цзянь.

Однако второго вызова так и не последовало, и никто больше не упоминал об этом деле, словно с самого начала кража не имела к нему никакого отношения.

Впрочем, в действительности так оно и было.

- Господин, добрый день.

Ши Цзянь очнулся от своих мыслей и поднял голову – к нему с мягкой улыбкой подошел Ли Чжися.

Неизвестно почему, но при виде Ли Чжися на душе у Ши Цзяня всегда становилось немного легче.

Он в ответ улыбнулся:

- Помощник Ли, как ваши дела?

- Неплохо, - Ли Чжися развернулся и, словно невзначай, включил большой электронный экран.
- Снаружи всё наконец утихло, вам определенно стоит взглянуть на последние новости.

Экран загорелся, заполнившись привычными интерфейсами современных СМИ. Кадры быстро сменились: на экране показали Чэнь Линьфэна, которого в полном смятении и растерянности преследовала плотная толпа журналистов.

Заголовки новостей заставили Ши Цзяня замереть.

«Из-за плохого ментального состояния и серьезных проблем со здоровьем актер Чэнь Линьфэн объявляет о бессрочной приостановке своей профессиональной карьеры».

Ши Цзянь смотрел на экран, медленно переваривая эту неожиданную и почти невероятную новость.

В комнате воцарилась глубокая тишина.

Он слегка нахмурился, сердце на миг сбилось с привычного ритма, а в памяти отчетливо всплыли выражение лица и тон Чу Юня перед самым отъездом.

Он, кажется, начал что-то понимать, но всё еще не решался в это поверить.

- Чу Юнь... он... - слова застряли в горле, он не хотел создавать лишних проблем для Ли Чжися.

- Молодой господин отправился в гости к господину Чу и сегодня вечером обязательно вернется домой, - Ли Чжися тут же ответил, тепло улыбаясь. Его глаза светились искренней радостью, которая теперь была видна невооруженным глазом.

Фоновый звук продолжал транслировать новости, переключившись на следующий сюжет.

На экране появились фанаты, державшие в руках плакаты: «Пройдя сквозь бурю, мы увидели радугу. Чистота не дается легко, злонамеренную клевету нельзя оставлять безнаказанной».

Ведущий рассказывал о масштабной благотворительной акции под названием «Безымянная птица делает "её" знаменитой», в рамках которой от имени Ши Цзяня было передано множество необходимых вещей для помощи девочкам, которые были вынуждены бросить школу.

Сердце Ши Цзяня болезненно сжалось, а затем медленно оттаяло, превратившись в один невыразимый, долгий вздох.

- Господин, не волнуйтесь, мы также сделали дополнительные пожертвования от вашего имени, чтобы искренние усилия людей не пропали даром, - заботливо добавил Ли Чжися.

Конечно, «Редженс Медиа» могли предусмотреть абсолютно всё, но Ши Цзянь в этот момент думал совсем не об этом.

Когда наступила ночь, Ши Цзянь не отправился ни в зимний сад, ни в свою спальню.

Он прошел через весь дом, вышел на террасу, пересек двор и, наконец, оказался у самых ворот.

Сотрудники охраны, стоявшие по обе стороны ворот, смотрели строго перед собой, сохраняя профессиональную невозмутимость, но когда стемнело окончательно, один из них тихо и осторожно напомнил:

- Господин, вы стоите здесь уже очень долгое время.

Ши Цзянь очнулся, глядя на ровную дорогу и пустую, темную даль, и тихо улыбнулся.

- Простите, что отвлекаю вас от выполнения ваших обязанностей.

Оба охранника поспешно ответили:

- Нет-нет, что вы!

Ши Цзянь не хотел ставить их в неловкое положение, поэтому, наконец, перестал ждать того, кто так и не пришел, и медленно развернулся.

Он пошел обратно, глядя на роскошную резиденцию Чжоуинь в ночной тишине.

Сдержанное, приглушенное освещение придавало зданию вид, совершенно отличный от дневного, наполняя его особым историческим духом, отчего казалось, будто он провел в этих стенах уже тысячи лет.

Ши Цзянь всегда был таким человеком: он мог заставлять себя делать то, чего на самом деле не хотел, и мог сознательно отказываться от того, что искренне любил.

Беспокоить окружающих, оказывать на них влияние - это было именно то, чего Ши Цзянь меньше всего желал в своей жизни.

Возможно, его решение прийти в киноиндустрию действительно оказалось роковой ошибкой.

У него возникло непреодолимое, почти физическое желание уйти. Даже если он искренне любил играть, даже если ему нравилось стоять на сцене и произносить эти великолепные, сильные реплики – Ши Цзянь никогда не делал этого ради кого-то другого, только ради собственного удовольствия.

Но с тех пор его жизнь кардинально изменилась, потянув за собой всех вокруг, и даже бесчисленное множество людей, которых он никогда в жизни не встречал, оказались втянуты на этот сложный и тернистый путь.

Ши Цзянь понимал, что недавняя крайняя занятость Чу Юня тесно связана с этим делом.

Конечно, всё это было сделано не ради одного лишь Ши Цзяня.

Но ради чего бы то ни было, причины и следствия оставались прежними.

Ши Цзянь, как и сказал Чу Юнь, должен быть послушным и покладистым.

Играть здесь роль человека, который радуется Чу Юня, – уже само по себе огромное достижение.

Любое иное, более смелое желание в данной ситуации казалось бы непозволительной роскошью.

- Господин!

На полпути к дому человек позади него, возможно, обеспокоенный тем, что Ши Цзянь зря прождал, забыв на мгновение о строгом этикете, окликнул его.

Ши Цзянь обернулся.

Ослепительный, резкий свет автомобильных фар мгновенно осветил его фигуру.

Он не прикрыл глаза, словно он внезапно оказался под ярким прожектором на сцене, став главным героем театра в этот самый момент и ожидая, когда свет приблизится и другой главный герой наконец выйдет на сцену.

Чу Юнь вышел из машины и, силуэтом на фоне яркого света, медленно, шаг за шагом, направился к нему.

Лица в этом сиянии было не разглядеть, но уголки губ Ши Цзяня невольно поползли вверх, он слегка поднял руку – тоска в этот момент достигла своего абсолютного пика.

«Я очень скучал по тебе», – беззвучно прошептал он ночному ветру.

Чу Юнь подошел вплотную:

- Почему ты стоишь здесь, на улице?

Их пальцы крепко переплелись.

Ши Цзянь наконец осознал: даже если вся эта сцена – всего лишь территория резиденции Чжоуинь, даже если единственным прожектором служат фары машины Чу Юня, и даже если все главные и второстепенные роли в этом спектакле вращаются вокруг одного-единственного Чу Юня...

Ши Цзяня это совершенно не волновало.

Только рядом с Чу Юнем он никогда не чувствовал вины или беспокойства, на которые не мог бы ответить.

Всё, чего бы ни пожелал Чу Юнь, Ши Цзянь был готов ему дать.

- Ждал меня? – спросил Чу Юнь.

Ши Цзянь кивнул, крепче сжал руку Чу Юня и наконец произнес вслух:

- Я очень скучал по тебе.

И вслед за медленно гаснущими огнями фар последовал глубокий, долгий поцелуй.

Он хотел этого, пусть даже это будет в последний раз.

Пусть эта радуга застынет здесь, пусть все бури, вызванные присутствием Ши Цзяня в этом мире, наконец утихнут.

А он может вечно играть только одну-единственную роль.

В этот момент он думал именно так.

<http://bllate.org/book/17941/1720624>